

Ирина БЕЛЯЕВА

**ТУРГЕНЕВ СЕГОДНЯ: К ПРОБЛЕМЕ ПОНИМАНИЯ****Turgenev Today: On the problem of perception**

The article deals with the question of how Turgenev's work is perceived by the modern reader. There are identified aspects related to the complexity of understanding the writer's texts, which are largely due to stereotypes that have developed in the culture of perception, and are also features of his poetics. There are different ways of new interpretations of Turgenev's famous texts – those of the novels "Fathers and Sons" and "The Noble Nest". In "Fathers and Sons" the idea of reconciliation with contradictions is emphasized, and "The Noble's Nest" is considered a successful social project in literature. The article briefly highlights the main stages of Turgenev's popularizing Russian culture in the West.

*Keywords:* Turgenev, perception, Russian classical literature, "Fathers and Sons", "The Noble Nest", Westernism

Отношение к русской классике в современной России неоднозначное. Есть читатели, для которых она представляет непреходящую ценность, причем зачастую аксиология классических текстов находится в поле стереотипного восприятия. Но есть немало читателей, для которых интереснее современный литературный процесс, поскольку именно он – явление живое и настоящее, а классическая литература (особенно если рассматривать ее узко, в духе Ю.М. Лотмана – «от Пушкина до Чехова» [ЛОТМАН 1997]) – явление прошлого, постепенно и стремительно становящегося позапрошлым. В этой связи одной из насущнейших задач филологии, которая всегда была «службой понимания» [АВЕРИНЦЕВ 1969] – понимания текстов культуры, прежде всего отстоящих во времени, – является определение затрудняющих восприятие аспектов и выявление новых стратегий прочтения, которые бы актуализировали смыслы «старых» и, казалось бы, привычных литературных сочинений.

И.С. Тургенев в контексте обозначенной проблемы представляет особенную сложность. Современный читатель в России знает о нем большей частью как о писателе, чьи сочинения изучались им в курсе школьной программы. Если спросить такого читателя, что он помнит из Тургенева, то скорее всего он укажет на роман «Отцы и дети», «Записки охотника» и, возможно, назовет еще что-то дополнительно, если школа, в которой он учился, была с углубленным изучением литературы. Безусловно, бывают и счастливые исключения, когда Тургенева читают много и с интересом – такие случаи тоже имеют место быть. Но в целом мало кто сейчас, если не считать очень узких специалистов, обращается к Тургеневу и видит в нем писателя современного, который может говорить со своим читателем на понятном ему языке. Тургенев как раз потому

и кажется непонятным и даже скучным, что не отвечает современным ритмам и темпам. Но подчеркнем еще раз – так только кажется.

В сложившейся ситуации, с одной стороны, отчасти можно винить современное гуманитарное образование, поскольку в какой-то мере именно оно приучает к стереотипному восприятию, например, являющихся обязательными для чтения в школьном курсе литературы «Отцов и детей». Впервые знакомящиеся с Тургеневым юные читатели так до сих пор и продолжают видеть в основном конфликте романа исключительно «борьбу» либералов с демократами, подчас не замечая другую тему – извечную, едва ли не с каждым человеком случающуюся жизненную ситуацию (конфликт поколений и его духовную основу), или вопросы вековечные, экзистенциальные: о смерти, вечной жизни, спасении человека и любви, которая «никогда не перестает» [1 Кор. XIII: 8]<sup>1</sup>. Хотя, безусловно, стереотипы не рождаются просто так, у них всегда есть основания, а значит и следы «борьбы» идей в романе Тургенева есть и ими тоже не стоит пренебрегать, но они в свою очередь порождают в читателе апатию и иллюзию того, что Тургенев очень архаичный писатель – из позапрошлого века – для нас, живущих в XXI столетии. С другой стороны, у современного читателя возникает резонный вопрос: а настолько ли Тургенев велик, как это принято считать, чтобы его книги можно было перечитывать не только для приятного времяпрепровождения, но для глубокого эстетического удовольствия и работы душевной и нравственной, к которой нас и призывают истинно великие авторы – Данте, Шекспир, Сервантес, Гете, Достоевский, Л. Толстой?

Нужно признать, что в начале XX столетия подобные вопросы тоже возникали. Как относиться к Тургеневу? Чего ждать от него поколению нарождающемуся? Не ушел ли он в прошлое вместе со своим временем? Ю. Айхенвальд в «Силуэтах русских писателей» высказал мысль, которая и сейчас многим представляется справедливой: критик назвал Тургенева «туристом жизни», который «все посещает, всюду заглядывает, нигде подолгу не останавливается» – он «падок на внешнее», а его «любовь литературна» [АЙХЕНВАЛЬД 1908: 138, 141]. Тургеневский «туризм», по мысли Ю. Айхенвальда, предопределил отношение к нему читателя, поскольку Тургенев, хотя вроде бы и кажется «богатым, содержательным, разнообразным», но «не имеет <...> пафоса и подлинной серьезности» [АЙХЕНВАЛЬД 1908: 138]. В трактовке Ю. Айхенвальда Тургенев предстает писателем хорошим, даже очень хорошим – прекрасно чувствующим природу, тонким знатоком первой любви, – но все же неглубоким, потому что из действительности он «вынул <...> трагическую сердцевину» [АЙХЕНВАЛЬД 1908: 138]. Ему якобы неведомы вопросы жизни и смерти, и даже любовь у него – вымышленная. И поэтому во многом Тургенев остается для читавших и даже почитавших его в свое время знатоков лишь «сладостной страницей» [АЙХЕНВАЛЬД 1908: 147], никогда не умирающей, но уходящей

<sup>1</sup> Тургенев обращался к Первому посланию апостола Павла к коринфянам в своей знаменитой статье «Гамлет и Дон Кихот», когда речь шла о любви: «все минется <...> – одна любовь останется» [ТУРГЕНЕВ 1980: 348].



в прошлое – его нельзя брать в настоящее. Сказано это было давно, но в той или иной мере воспроизводится сейчас и вполне актуально для описания современной рецепции Тургенева.

Воспроизводится и другое положение Ю. Айхенвальда – о том, что «Тургенев не глубок» и что «во многих отношениях его творчество – общее место» [АЙХЕНВАЛЬД 1908: 138]. Особенно это проявляется в сравнении его с другими бесспорно великими и ценными во всем мире русскими писателями – Ф.М. Достоевским и Л.Н. Толстым. Однако к чтению книг Тургенева нельзя подходить с теми же мерками, которые применимы к вышеназванным писателям. Дело в том, что смыслы тургеневских текстов рождаются исключительно в сфере художественности, и он никогда или очень редко когда прибегал к открытой публицистике в выражении своей идеи. Тургенев всегда предпочитает не говорить напрямую и подразумевает, что его читатель проявит творческую щепетильность, прозорливость и – волю к пониманию. Все это требует от последнего – со-участия в творчестве. Чтение Тургенева фактически является трудной и одновременно увлекательной душевно-эстетической и творческой работой. Внешне очень легкие, его тексты нужно «допрочитывать» самому, искать глубины в каждом слове, фразе, образе, мотиве и наконец – в целом художественной постройке. При этом Тургенев вовсе не заставляет читателя это делать обязательно, он предполагает свободный выбор. А это значит, что, в принципе, можно считать только с поверхности текста, наслаждаться красотой описания, психологизмом характера или ситуации, видеть родственные чувства и эмоции, погрузиться в историческую картину – и этого тоже будет достаточно. Хотя, безусловно, чтение любого художественного сочинения всегда предполагает вчитывание в образы, и применительно к текстам Достоевского или Толстого это тоже необходимо делать. Но у Тургенева на художественности всегда лежит особенная нагрузка. В ней – все. Поэтому если читатель действительно хочет приблизиться к пониманию смыслов тургеневского текста, то ему просто необходимо настроить себя на серьезное творческое дело. Подобного рода свободой, между прочим, не обладает читатель Достоевского и Толстого, который должен идти за писателем почти как за мессией, верить его слову и в какой-то мере подчиняться ему. В науке о творчестве Достоевского давно отмечено, что т. н. полифонизм его романов, где почти у каждого героя есть право на свой голос и свое слово, – явление обманчивое, поскольку за всем этим стоит авторская сверхзадача, как сам Достоевский ее определял, – «христианская» и «высоко нравственная»: «восстановление погибшего человека» [ДОСТОЕВСКИЙ 1980: 28]. Быть больше чем литератором стремился всегда Толстой, и это ему, создавшему свое учение, в немалой степени удалось – за ним шли, как за пророком. Тургенев не вел, он предоставлял читателю возможность идти самому. А это очень сложное дело – свободно выбрать свой путь. Всегда легче несвобода – меньше ответственности.

Возможно, что именно поэтому у Тургенева сейчас нет большой читательской аудитории ни на его родине, ни за рубежом, где он все больше представляется писателем западного склада, хотя уже его иностранные современники

и друзья отмечали, что это далеко не так, что его «реализм» удивительно не похож на их метод письма. Словом, Тургенев был и остается писателем «элитарным» и «для немногих». Но его 200-летний юбилей, как нам представляется, есть хороший повод для того, чтобы попробовать приблизиться к Тургеневу и, как он сам говорил об А.С. Пушкине, а мы адресуем эти слова уже ему самому, «стать более русским и более образованным, более свободным человеком» [ТУРГЕНЕВ 1986: 350].

Прежде всего необходимо признать, что «тургеневское» существует в русской жизни повсеместно, на уровне культурных кодов, к которым мы, соотечественники писателя так привыкли, что даже и не ассоциируем их с его именем. Однако едва ли кто из литераторов подарил русской культуре столько устоявшихся образов, в которых бы высказались ее сущностные качества. Тургенев обладал удивительным даром аккумулировать идеи, настроения, эмоции, которые отличали целую эпоху, выражали национальное и культурное лицо русского человека. Причем всему этому *он умел дать имя*. Мы до сих пор пользуемся точными и емкими именованьями, которые возникали в образно-смысловом поле тургеневских текстов, укреплялись в культуре в виде концептов и становились частью нас самих. Нужно отметить, что многие из них переросли границы собственно тургеневского творчества и тургеневской эпохи и живут своей собственной жизнью, подчас даже забавно конфликтуя с первичными своими значениями. Но в любом случае их первоисточником было тургеневское творчество.

Для характеристики русской жизни мы нередко используем такие понятия, как «лишний человек», «дворянское гнездо», «отцы и дети», «нигилизм», «первая любовь». Есть и другие концепты, которые не были сформулированы писателем, но возникли как бы около Тургенева, в связи с его творчеством: «русский человек на rendez-vous», «тургеневская девушка». Герои Тургенева стали частью русской жизни, их имена узнаваемы, даже если книги не всеми прочитаны, потому что культурой они уже приняты навечно. Многие из этих «формул» не были открытием Тургенева в том смысле, что они уже существовали до него в языке, но именно он смог придать им тот статус культурных констант, которые живы и по сей день.

Например, образ «гнезда» как дома, или дворянской усадьбы – «дворянского гнезда» – был вполне распространен в культурном обиходе первой половины XIX века. Время от времени он встречается в письмах матери Тургенева Варвары Петровны. Но именно «после Тургенева», т.е. после его известного романа «Дворянское гнездо», в языке русской культуры возникает тот сгусток значений и смыслов, который, по верному замечанию американского культуролога Кэтлин Парте, выражает важнейший пласт когнитивной карты России [ПАРТЕ 2007: 59], состоящей из дворянских и писательских гнезд-усадоб.

Тургеневу принадлежит открытие и такого концепта, как «лишний человек», за которым, по нашему привычному разумению, стоит преимущественно дворянский герой – не только из литературы, но и из жизни. Он разочарованный, недовольный средой, чувствует, что его могучие силы не востребованы. Все это верно по отношению к широкому полю русской культуры, а вернее

к тому, как сложилось в ней понимание «лишнего человека», но мало имеет отношения к странному персонажу Тургенева с не менее странной фамилией Чулкатурин, которого писатель как раз и назвал «лишним» в «Дневнике лишнего человека». Однако именно после этой повести Тургенева на «формулу» человека – когда его называли «лишним» – вдруг все обратили внимание<sup>2</sup>. Вышеперечисленные значения разочарованности и не востребованности закрепились за типом «лишнего человека» несколько позже, благодаря А. И. Герцену, который ухватился за меткое тургеневское определение и стал его применять очень широко [ГЕРЦЕН 1954: 204]. А тургеневский «лишний человек» («истинно лишний человек», как его назвал А.В. Дружинин) совсем иной, он больше напоминает тип «подпольного парадоксалиста», которого Достоевский считал своим величайшим открытием<sup>3</sup> (но только Достоевский сделает это открытие много позже Тургенева). В том, что «лишние», или «подпольные» – явление многочисленное, с Тургеневым и с Достоевским был солидарен И.А. Гончаров. Он резко возражал, когда его Обломова называли «лишним», поскольку считал, что «лишних людей» – большинство, а вот не лишним, каким и был его Обломов, мало<sup>4</sup>. В тургеневской системе координат будет то же самое: в сущности, ни Рудин, ни Базаров, ни Лаврецкий – не «лишние», но лучшие люди своего времени. И их тоже – мало.

Но одновременно у Тургенева едва ли не каждый персонаж – немножко «лишний», поскольку у «тургеневского человека»<sup>5</sup> всегда есть ощущение своей Богооставленности. «Лишность» в художественной антропологии Тургенева есть не столько знак социальной ущербности, отверженности или протеста, сколько онтологическая данность: *современный* человек трагически одинок в этом мире, поскольку думает, что лишен Отца. Хотя некоторые его герои противятся этой данности. Таков Базаров, который внутренне восстает против того, что из него будет расти лопух, таков Рудин, который мечтает, чтобы люди могли «придать вечное значение» своей «временной жизни» [ТУРГЕНЕВ 1980: 230]. Однако в культуре, повторимся, «формула» «лишний человек», найденная Тургеневым столь удачно, и по сей день живет своей собственной, оторванной от контекста жизнью. Мы к ней привыкли настолько, что иногда забываем о ее авторстве и первоисточнике. К тургеневским персонажам она мало применима, если не сказать что совсем чужда им, но именно Тургенев дал ей жизнь и наделил удивительной живучестью.

<sup>2</sup> До Тургенева словосочетание «лишний человек» встречалось в литературе, но не имело такого воздействия и эффекта на культуру: См.: [МАНН 2008; БЕЛЯЕВА 2008].

<sup>3</sup> «Я горжусь, – писал Достоевский, – что впервые вывел настоящего человека русского большинства и впервые разоблачил его уродливую и трагическую сторону» [ДОСТОЕВСКИЙ 1976: 329].

<sup>4</sup> В письме к П. Ганзену от 9 февраля 1885 года И.А. Гончаров писал по поводу одного немецкого перевода его романа «Обломов»: «Я в газетах читал, что он [переводчик. – И. Б.] написал в каком-то немецком журнале <...> отзыв об *Обломове* и между прочим относит его к *лишним людям*: вот и не понял! Я был прав, говоря, что иностранцам неясен будет тип Обломова. Таких *лишних людей* полна вся русская толпа, скорее не-лишних меньше» [ГОНЧАРОВ 1961: 104].

<sup>5</sup> Термин введен А.А. Бельской [БЕЛЬСКАЯ 2015].

Устойчивым выражением стало и знаменитое название романа Тургенева «Отцы и дети», в котором много смысловых уровней, обнаруживающих нечто сугубо русское и сокровенное именно для нас как носителей культуры. Об этом романе хочется сказать особо, поскольку он, с одной стороны, «школьный», а точнее программный и потому обязательный для чтения, с другой – это действительно заглавная, величайшая книга Тургенева, которую можно прочитывать всю жизнь.

В России, да и не только в России, привыкли воспринимать этот роман как острую общественно-политическую историю. Действительно, в заглавии «Отцов и детей» нашел свое выражение исторически объективный, существовавший в середине XIX века социальный и идеологический конфликт – между дворянами и разночинцами, либералами и демократами, или «гегелистами» и «нигилистами», как скажет Павел Петрович Кирсанов. И в этом плане роман Тургенева – важнейшее историческое свидетельство, до известной степени, конечно, как и любой художественный текст. Другой уровень смысла заглавия выражает извечный конфликт поколений, что понятно каждому читателю, к какой бы культуре он ни принадлежал. Однако очевидно, что у Тургенева – и это ощущается нами подспудно – «стояние», как на поле битвы, «отцов» и «детей» имеет еще и какой-то глубинный смысл, говорит о внутреннем *духовном расколе*, напоминая нам то, что уже было когда-то в русской истории и сказывается в ней едва ли не по сей день. Кстати, мало кто знает, что Тургенев серьезно интересовался историей старообрядчества и сектантства и разбирался в последнем не хуже, чем иные специализирующиеся на этих вопросах литераторы.

Наконец, мифологема «отец и сын» обнаруживает в романе Тургенева значения, связанные с важнейшим метасюжетом христианской культуры. Но тут возникает вопрос: как может такое быть в книге «неверующего» писателя, потому что вроде бы считается, что Тургенев к религии относился равнодушно? Это вопрос не праздный и требует пояснения, а в перспективе и отдельного разговора. Ни в коем случае нельзя делать из Тургенева сусально-хрустального христианина, как иной раз хочется некоторым исследователям, поскольку он таким, конечно, не был, а был человеком вполне своего века и сомневающимся, но вся его жизнь и его творчество были отмечены тем высшим исканием, которое описал еще И.-В. Гете в «Фаусте» и которое С.Н. Булгаков справедливо считал показателем истинной религиозности<sup>6</sup>. Это так актуально и сейчас, поскольку мы все – наследники гетевского Фауста и фаустовской культуры.

У Тургенева основной нерв этого вышеобозначенного сюжета звучит очень современно и восходит к болезненному для писателя и для очень многих

<sup>6</sup> Не о Тургеневе, об А.И. Герцене пишет С.Н. Булгаков, но его слова в определенной мере могут быть отнесены и к нему: «Несмотря на свои позитивистски-атеистические воззрения, Герцен был постоянно занят вопросами религиозного сознания, – о смысле жизни, истории и т. д., Карамазовскими вопросами. Но, как и Карамазову, Герцену суждено было испытать не радость положительного разрешения этих великих и страшных вопросов, а горечь сознания их неразрешимости. Он искал и не нашел; **но ведь истинная-то религиозность именно состоит в искании**» [Булгаков 1905: 28. Выделено нами. – И. Б.].





из нас, ныне живущих, вопросу о Богооставленности человека. Он освещает особым светом тему лично-семейных связей. Роман заканчивается не просто описанием старого и заброшенного кладбища, но картиной торжества вечной жизни, потому что среди, казалось бы, всеобщего запустения и конца, вдруг прорывается иная, мощная интонация, в которой выражена красота природы, показанная вне времени (как в евангельском благобытии) и нежность *отцовской* любви и молитвы *о сыне*. Не случайно самые последние слова романа – именно молитвенные, они, как справедливо указали комментаторы, взяты из заупокойного песнопения «Со святыми упокой...» [ТУРГЕНЕВ 1981б: 469]. Поэтому цветы, растущие на могиле Базарова и птицы, поющие на ней (словно не бывает времен года), говорят не только о «великом спокойствии “равнодушной” природы», но и о «вечном примирении и о жизни бесконечной...» [ТУРГЕНЕВ 1981б: 188]. Не случайно чуткое ухо Герцена услышало в этом финале религиозный реквием, о чем он сразу же и написал Тургеневу<sup>7</sup>.

На могиле Базарова за него молятся его родители. Это они отмаливают сына у пустоты, несмотря на все его, казалось бы, нигилистические, отрицательно-отрицающие качества, поскольку Базаров сам признается, что уходит в темноту и далее ничего не ждет, к тому же он может быть «грубым», «бессердечным», «безжалостно сухим» и «резким», но, по Тургеневу, он все равно достоин молитвы и спасения. Благодаря своему «великому сердцу», как справедливо заметит Достоевский. И Тургенев призывает присоединиться к молитве читателя – в самых последних словах романа. А мы подчас даже и не понимаем, что читаем эти строки и молимся. Молитва о Базарове и таких, как Базаров, встроена в роман так, что становится как бы всеобщей. Это молитва о детях. Они бывают разные – поэтому обо всех. Именно об этом в апреле 1862 года, через короткое время после публикации романа, Тургенев настойчиво писал и К.К. Случевскому, и Герцену. Он признавался, что хотел бы, чтобы читатель его Базарова непременно полюбил, несмотря на все его негативные качества. И вину, в случае если читатель – вариация отцов – не полюбит его героя, Тургенев оставлял за собой: значит «я виноват и не достиг своей цели» [ТУРГЕНЕВ 1988: 59, 50].

Есть что-то исключительно русское – в самом широком, духовном и культурном смысле этого слова – в этой необъяснимой и всепреодолевающей отеческой любви к детям, любви как бы наперекор здравому рассудку. Но именно такая любовь может преодолеть любой разлад там, где, казалось бы, все связи разорваны навсегда и безвозвратно. В тургеневской «формуле» «отцы и дети», к которой каждый русский привык и сросся с нею еще со школьной скамьи, незаметно для нас самих, современных и «продвинутых» читателей, сосредоточилась наша глубинная ментальность, позволяющая нам преодолевать с за-

<sup>7</sup> Письмо А.И. Герцена к И.С. Тургеневу от 21 (9) апреля 1862 года: «Requiem на конце – с дальним апрошем к бессмертию души – хорош, но опасен, ты эдак не дай стрелка в мистицизм» [ГЕРЦЕН 1963: 218].



видным постоянством наши личные, общественные и исторические катастрофы, коих не пожелаешь никому. Если иностранцы хотят нас понять, они должны читать роман «Отцы и дети», потому что в нем, может быть более чем в романах Достоевского или Толстого, скрывается важнейший русский миф – о торжестве любви и гармонизации хаоса человеческой жизни, которая во все времена полна разногласий.

Когда говоришь студентам, что «Отцы и дети» – это роман, который задумывался как размышление о смерти и ее преодолении любовью, и что им движет в сущности толстовско-достоевская эсхатологическая тема в том смысле, что именно у этих великих писателей она получила свое яркое выражение, то они удивляются, поскольку не видят у Тургенева смерть как событие. Между тем, по справедливому замечанию Ю.В. Манна, «трудно назвать другого писателя, у которого бы так часто произведения оканчивались смертью героя» [МАНН 2008: 70], с той лишь разницей, что в романе «Отцы и дети» со смерти Базарова все только начиналось, а не заканчивалось ею. И в определенном плане роман нужно читать с конца, или непременно перепрочитывать его.

Большое заблуждение считать, что Тургенев «заставляет своего героя на самом интересном месте его жизни умереть» и «разрубает гордиев узел» сюжета, когда «не знает, как и чем закончить» [АЙХЕНВАЛЬД 1908: 138]. Но мы ведь действительно чаще полагаем именно так: «смерть Базарова оправдана по-своему»: «Как в любви нельзя было доводить Базарова до “тишины блаженства, тишины невозмутимой пристани”, так и в его предполагаемом деле он должен был остаться на уровне еще не реализуемых, вынашиваемых и потому безграничных стремлений. **Базаров должен был умереть, чтобы остаться Базаровым**» [МАНН 2008: 70. Выделено нами. – И. Б.].

Однако своему американскому коллеге Х. Бойесену Тургенев признавался в том, что это было совсем не так и что сюжет «Отцов и детей» у него выстраивался иначе. «Чтобы дать вам пример того, как часто я совсем произвольно нахожу сюжет, – вспоминал слова Тургенева Х. Бойесен, – я расскажу о некоторых подробностях, связанных с развитием замысла “Отцов и детей”. Я однажды прогуливался и думал о смерти... Вслед затем предо мной возникла картина умирающего человека. Это был Базаров. Сцена произвела на меня сильное впечатление, и затем начали развиваться остальные действующие лица и само действие» [БОЙЕСЕН 1983: 322]. В свете вышесказанного смерть Базарова – не случайная трагедия героя, который, как полагают некоторые критики, едва ли не совершает самоубийство, а начало – и романа «как жизни», если вспомнить строки любимого Тургеневым А.С. Пушкина, и самой жизни. Тургеневская Лиза Калитина говорила, что «христианином нужно быть <...> не для того, чтобы познавать небесное... там... земное, а для того, что каждый человек должен умереть» [ТУРГЕНЕВ 1981а: 82]. В «Отцах и детях» умирает великий бунтарь, современный русский Фауст, соглашающийся признать Вселенную только тогда, когда поверит, что он ей равный [см. БЕЛЯЕВА 2018]. Его смерть, как и кончина Фауста у Гете, открывает истину – великую силу Отеческой



любви. И читатель к ней имеет возможность быть сопричастным – без проповеди, без дидактики, но лишь погрузившись в художественную сторону многоосмысленного тургеневского слова.

Тургенева долгое время считали писателем исключительно социальным – так было удобно, особенно в советское время. А потом с этим стали в науке вполне справедливо вести полемику: делать акцент на тургеневской философии, онтологии, экзистенциальных вопросах творчества. Однако у Тургенева современный читатель может найти для себя интереснейшие и в высшей степени актуальные примеры успешных социальных решений. К ним в определенной мере можно отнести и вышеупомянутый роман «Отцы и дети», где предложен путь гармонизации социума в момент серьезного кризиса.

Но самым успешным социальным проектом в русской литературе, думается, был роман «Дворянское гнездо». Принято считать, что это книга рассказывает о гибели, или закате русской дворянской культуры, что это такой панегирик русскому дворянству, печальная элегия якобы несостоявшейся любви Лаврецкого и Лизы Калитиной. На самом деле роман о другом – о том, как дворянской культуре и вообще любой культуре, которая чувствует неизбежные перемены и хочет сохранить себя, измениться и что ей нужно сделать, чтобы не погибнуть и не исчезнуть. К слову, в эпилоге читатель видит вовсе не разоренное дворянское гнездо Калитиных, но вполне себе живое и радостное, оно наполнено смехом обитателей старого дома, который стал *новым*.

Примечательно, что «Дворянское гнездо» был самым счастливым романом Тургенева в смысле читательского успеха. Его полюбили все. И если не брать в расчет драматическую историю с обвинениями в плагиате Гончаровым, то едва ли какое иное произведение писателя принесло ему столько удовлетворения и признания. К тому же роман примирил и утишил конфликтующие стороны, прежде всего славянофилов и западников. Тургеньевым была найдена «формула» согласия между ними, которая вовсе не была натужной идеологией, потому что разрешалась на примере истории частной жизни людей.

Ситуация, которая предстает перед читателем в романе «Дворянское гнездо», только кажется далекой, отстоящей более чем на 150 лет от нас, ныне живущих. На самом деле все повторяется. И нынешнее время может в роман смотреться, как в зеркало, потому что и проблемы те же, только одежды у них немного другие, и люди переживают те же чувства и думают о счастье личном, в какие бы времена им не пришлось жить, и задачи переустройства России – куда ей идти, по западному ли пути или по какой-то ей одной ведомой дороге – с удивительной неизбежностью вновь стоят перед Россией. И если в нашем XXI веке нет прямых западников и славянофилов, то конфликт внутренний и внешний, который мы переживаем сейчас, корнями уходит в противостояние, которое отличало позапрошрое столетие.

Тургенева не без основания считают западником. Ценность личности со всеми вытекающими отсюда правами гражданскими он поддерживал всегда. Критиковал своих соотечественников даже более чем европейцев, а те в свою очередь обижались на него, когда прочитывали в его сочинениях нечто

для них нелицеприятное. Например, резкие упреки Тургеневу и даже обвинение в ненависти к Германии высказал Л. Пич в не дошедшем до нас письме от 8 (20) июля 1872 года. Тургенев отвечал ему 15 (27) июля: «Господи! Какими вы – все немцы – стали неженками, обидчивыми, как старые девы, после ваших великих успехов! Вы не в состоянии перенести, что я в моей последней повести чуточку вас поцарапал? Но ведь своему родному народу – который я ведь, конечно, люблю – мне случалось наносить и не такие удары!» [ТУРГЕНЕВ 1999: 391] Именно потому нельзя забывать, что западничество Тургенева всегда было *русским*, и критика своего или чужого – была честным делом писателя, превыше всего почитавшего простоту и правду (вкуче со «свободной силой» это сущностные качества русского языка и чаемые – русского человека<sup>8</sup>). К тому же Тургенев не терпел крайностей и глупости. И потому в «Дворянском гнезде» взглянул на проблему честно.

Он показал уходящую натуру, отсталую Россию, где все идет к умиранию. Лаврецкий – лучший человек – и тот назван «байбаком», он считает свою жизнь прожитой. Поэтому нет у России иного пути, как догнать цивилизованный Запад, чтобы стать тоже цивилизованной и прогрессивной страной. Эта идея в романе звучит, и ей даже отчасти хочется верить, поскольку что же может быть плохого в ценностях Запада? Ничего плохого нет – только хорошее. Но у этой идеи в романе довольно неприглядный проводник – г-н Паншин – западник, государственный ум и прогрессист. Он считает, что вся беда России состоит именно в том, что она «отстала от Европы», а русские «больны оттого, что только наполовину сделались европейцами». Россию, по мысли Паншина, «нужно подогнать», причем силой государственной машины, под европейскую модель развития, ведь «все народы в сущности одинаковы» (вспоминается базаровское утверждение: «Люди, что деревья в лесу», – у которого есть известный автор, Н.Г. Чернышевский, и которое так блистательно развенчал Тургенев). «Вводите только хорошие учреждения – и дело с концом», – считает Паншин. «Пожалуй, можно приравниваться к существующему народному быту; это наше дело, дело людей... (он чуть не сказал: государственных) служащих; но, в случае нужды, не беспокойтесь: учреждения переделают самый этот быт», – эти слова буквально сняты с языка некоторых современных сторонников западного прогресса. Паншин предлагает спасти Россию Западом: «чем мы ушиблись, тем мы и лечиться должны» [ТУРГЕНЕВ 1981а: 100, 101]. Но соотечественнику Тургенева и в те времена, и сейчас почему-то сложно с этим согласиться.

Читатель оказывается не на стороне Паншина, а, как и тургеневская Лиза, на стороне Лаврецкого, которого трудно назвать славянофилом, да он в принципе едва ли разделяет какие-либо политические убеждения, но который вы-

<sup>8</sup> В письме к Е.Е. Ламберт (от 12 (24) декабря 1859 г.) Тургенев писал о русском языке, который «удивительно хорош по своей честной простоте и свободной силе». Однако, как замечает Тургенев далее, «странное дело! Этих четырех качеств – честности, простоты, свободы и силы нет в народе – а в языке они есть... Значит, будут и в народе» [ТУРГЕНЕВ 1987: 124].



бирает путь, исходя из органики жизни. Он хорошо знает Запад, однако вернувшись из Европы в Россию и *будучи западным русским человеком*, он решительно не согласен с мнением Паншина о ее «недоевропействе». Он чувствует в позиции Паншина не только невежество и высокомерие, но и какую-то нравственную низость. Поэтому, как скажет о Лаврецком Тургенев, он легко «доказал» Паншину «невозможность скачков и надменных переделок с высоты чиновничьего самосознания – переделок, не оправданных ни знанием родной земли, ни действительной верой в идеал, хотя бы отрицательный». Ну и в итоге он заявил о том, что будет делать – именно он лично – теперь в России: «Пахать землю <...> и стараться как можно лучше ее пахать» [ТУРГЕНЕВ 1981а: 102].

Подчеркнем еще раз: особенная привлекательность и тем самым кажущаяся легкость романа «Дворянское гнездо» заключается в том, что он запомнится читателю не своими идеологемами, а живой историей обычных людей. Его главные герои, Федор Иванович Лаврецкий и Лиза Калитина, показаны как люди, вроде бы близкие к славянофильским убеждениям, но ведь они «не читают Хомякова или Самарина» [ЛИБАН 2015: 113], и, возможно, даже и не знают об их существовании (в данном случае определенно можно говорить о Лизе), не рассуждают о политике, о благе России и ее народа. Например, «Лиза не вымолвила ни одного слова в течение спора между Лаврецким и Паншиным, но внимательно следила за ним и вся была на стороне Лаврецкого. Политика ее занимала очень мало; но самонадеянный тон светского чиновника (он никогда еще так не высказывался) ее отталкивал; его презрение к России ее оскорбило. Лизе и в голову не приходило, что она патриотка; но ей было по душе с русскими людьми; русский склад ума ее радовал» [ТУРГЕНЕВ 1981а: 102–103]. Вообще истинные патриоты – те, которые не знают об этом, тем более не говорят и не кричат, но живут в согласии, «по душе», со своим народом, даже если он и очень нехорош и несовершенен. Вот и герои «Дворянского гнезда» живут не в мире идей, а в мире людей, и идеи они принимают не головой, а сердцем. Так вообще с людьми, в мире человеческом, а не политическом, бывает всегда.

И что на самом деле еще более интересно, читатель именно в истории чувств Лизы и Лаврецкого может найти для себя и в нашем XXI веке актуальный, социальный и нравственный смысл. История любви героев свидетельствует ведь не только и не столько о трагическом – равном мгновению – ее устройении и не о социальной слабости дворянского героя или религиозных предрассудках героини. Когда читаешь этот роман, не можешь отделаться от ощущения, что все рассказанное там очень широко и что история личных взаимоотношений Лаврецкого и Лизы с ее человеческим опытом, свидетельствующим о возможности преобразования и восстановления человека, причем не в каком-то безвоздушном универсальном пространстве идеала, а на конкретной земле, среди людей, которых герои любят, а не высокомерно презирают, как Паншин, актуальна сейчас как никогда.

Лаврецкий в начале романа совсем умирал, как и его отсталая Россия – даже совершенно почти умер, поскольку показалось ему, что он попал «на самое дно реки». А в конце романа он показан уже человеком, который «имеет

право быть довольным» и который «сделался действительно хорошим хозяином, действительно выучился пахать землю и трудился не для одного себя», «насколько мог, обеспечил и упрочил быт своих крестьян» [ТУРГЕНЕВ 1981а: 64, 157] – он не пропал и не сник. Как произошла с ним эта метаморфоза, что он не заснул непробудным сном «байбака», хотя поначалу вроде бы все к тому и шло? В этом главная загадка романа и главный нерв социальной мысли Тургенева. И главный урок – читателю.

Но все оказывается очень просто – его восстановила та совершенно новая любовь, качественно другая, которую он никогда прежде не испытывал и которую открыла ему Лиза. Раньше Лаврецкий тоже любил, например, свою жену Варвару Павловну, но совсем не так, по-другому – он сам это понимает и отчасти даже этому удивляется. И через любовь к Лизе Лаврецкий почувствовал, понял и принял для себя очень простые, но очень важные вещи: что прощать других – это нормально и необходимо – не для того чтобы показать свое великодушие, а для того чтобы и тебя простили; что любить можно и даже необходимо всех, потому что не любить даже плохих людей решительно не за что; что исполнение своего долга есть не какое-то наказание или моральное принуждение, а высшая потребность человеческого сердца – когда тебе от этого хорошо и легко. Похоже на христианские заповеди? Безусловно. Но стал ли оттого Лаврецкий христианином? Впрочем, едва ли нужно точно отвечать на этот вопрос! Нужно просто признать, что именно таков характер того «долга», который принимают в своем сердце – ввиду любви, а не в альтернативу ей – герои тургеневского романа в итоге. Все это Лаврецкий понял, просто пребывая рядом с Лизой. И он это принял, а его решение сделаться хорошим хозяином и научиться «пахать землю» было внешним и, конечно, социально значимым выражением глубинных преобразений его души. Все в итоге сказалось в виде деятельных сил строительства, которые вполне посильны простому человеку. Ничего сложного – в том случае, если это идет от сердца. Лаврецкий любит Лизу – где бы они ни были, даже и вдалеке от него – и эта любовь невозможна без признания того религиозного чувства, которым веками жила его земля и его народ. Это спасает и его самого, и даже разрозненную его семью (непутевую жену и дочь), и дом, и землю, и людей, которые рядом с ним. Их немного, но прекрасен этот спасенный малый круг.

Современный читатель может возразить: что это за социальный проект нашли мы у Тургенева, когда не описан поэтапно механизм действий, когда нет развернутого социального плана, нет «инструкции» восстановления? Ответим на это так: в русской литературе были подобного рода романы-«инструкции», в которых все было поэтапно разъяснено. И у них были последователи. Но и сами создатели социальной теории – например, автор романа «Что делать?», – и те, кто воплощали идеи этой книги в жизнь, оставались в поле утопии. А вот роман Тургенева с его социальной этикой добра как нравственной доминантой согласия любых, даже самых крайне противоречивых взглядов, «делал моду» негромкую, но прочную, как писал в своем «Дневнике» А.С. Суворин, подчеркивая социальное учительство писателя: «О Тургеневе



я уже говорил в газете. – Среди общества он явился учителем. Он создавал образы мужчин и женщин, которые оставались образцами. <...> **Он придумывал душу, и по этим образцам многие россияне одевались...**» [СУВОРИН 1923. Выделено нами. – И.Б.]. У последователей Тургенева, которые вырастали на его книгах, были вполне реальные дела. Метафора дела как «глубоко забирающего плуга» [ТУРГЕНЕВ 1982а: 133], как социальной пахоты в полной мере воплотилась, например, в деятельности Варвары Алексеевны Морозовой, основательницы публичной Библиотеки-читальни имени Тургенева в Москве, которая была построена в память писателя после его кончины. Это была читальня для всех, она требовала затрат – материальных и душевных – от ее основательницы, вдохновленной идеями жизнестроительства, почерпнутыми ею из книг Тургенева.

Свою социальную этику Тургенев вскоре предпочтет назвать «постепенностью снизу» и будет развивать в своих поздних романах, но первые, простые и очень красивые социальные решения, выраженные эстетически, – а великое всегда просто – писатель предложил читателю именно в «Дворянском гнезде». Именно здесь он рассказал о том, как обустроить человеку свою жизнь и выстроить свой личный путь в сложном мире, принимая во внимание неизбежность драматических и даже трагических его противоречий. Эта книга Тургенева поэтому несет в себе универсальные смыслы, и все же она очень русская, о нашем духовном и историческом разладе, который, как это показано в романе, можно разрешить в пространстве личного дела человека, в сфере его личной ответственности, т. е. вне глубоких национальных потрясений и катастроф. Если бы мы, русские, внимательнее читали Тургенева, то, возможно, вся наша история сложилась бы немножко иначе.

Тем, кто сейчас видит в Тургеневе писателя, мало интересующего не только отечественного, но и западного читателя и давно отдавшего пальму первенства в снискании мировой славы Достоевскому, Чехову и Л. Толстому, хотелось бы напомнить, что именно ему русская литературоцентричная по сути культура в немалой степени обязана своей известностью.

Мы привыкли гордиться русской литературой и справедливо считаем ее неотъемлемой частью мировой культуры. Но так было далеко не всегда, поскольку вплоть до середины XIX столетия о русской литературе на Западе не знали практически ничего. И первым, кто поставил перед собой планомерную задачу познакомить европейского читателя с нашей словесностью, был именно Тургенев. Как знать, если бы не он взялся за это дело, то, возможно, путь нашей литературы в европейский мир был бы иным, т. е. более драматическим и менее прочным.

Заинтересовать европейскую публику чужой литературой, которая едва только вышла из своего младенчества, если говорить о ее т.н. *новом* периоде, было очень сложно. Тургенев это понимал и поступил очень мудро: когда он

в 1845 году решил познакомить европейскую читательскую аудиторию с русскими писателями и счел, что лучшим примером тут может быть Н.В. Гоголь<sup>9</sup>, то пригласил в качестве «переводчика» одного из самых уважаемых во Франции людей – Луи Виардо. «Переводчик», однако, русского языка не знал, о чем честно сообщил в предисловии, подчеркнув, что занимался редактурой, а текст ему фактически надиктовывали молодые русские писатели, одним из которых был Тургенев. Он и сам мог выступить в качестве переводчика, но тогда книга Гоголя едва ли могла заинтересовать взыскательную французскую аудиторию. А вот авторитет Луи Виардо этому немало способствовал. Издание гоголевских повестей к тому же сопровождалось публикацией статьи, посвященной современной русской литературе (“De la Littérature Russe Contemporain”) в журнале “Illustration” (№ 125, 14 июня), в котором сотрудничал Луи Виардо. Можно сказать, что именно так выглядело начало вполне успешной тургеневской кампании по популяризации русской литературы в Европе.

Общеизвестно, что с русской литературой считаются на Западе, более того – XX век в Европе во многом развивался под влиянием русской классической литературы. Однако чтобы это было так, в XIX веке нужно было преодолеть границы непонимания. И именно Тургеневу удалось это сделать. Сначала был Гоголь, а позже, также в сотрудничестве с Виардо, был издан Пушкин<sup>10</sup>. Принципиально, что ситуация была переломлена именно во Франции, поскольку если произведение было издано на французском языке, это означало, что его прочитают все.

Тургенев был первым среди своих современных коллег, чьи книги стали регулярно выходить в Европе с середины 1850-х годов<sup>11</sup>. И если первоначально его представляли как «молодого русского помещика, славного охотника и плохого поэта» [ТУРГЕНЕВ 1982б: 479], то со временем Тургенев среди французских друзей-писателей стал считаться большим художником. Сам же он заботился о популярности не столько своего собственного творчества, сколько всей русской литературы. Как справедливо отмечал М. П. Алексеев, «поистине, в русской литературе с конца 1850-х и до начала 1880-х гг. не осталось ни одного сколько-нибудь заметного литературного явления, ознакомлению с которым на Западе Тургенев не содействовал в той или иной степени устным истолкованием, помощью в переводе, в критической оценке, в сношениях с иностранными издателями» [АЛЕКСЕЕВ 1989: 285]. Устному истолкованию творчества Пушкина среди своих западных друзей и коллег Тургенев предавался всем сердцем и часто ходил с томиком стихов русского поэта, которого читал на родном языке и комментировал [см. АЛЕКСЕЕВ 1989: 272–273, 286]. Это была действительно «пропаганда» русской литературы, как верно отметил

<sup>9</sup> Были переведены «Вий», «Тарас Бульба», «Записки сумасшедшего», «Коляска», «Старосветские помещики».

<sup>10</sup> «Капитанская дочка» (с 1854 по 1879 год – 7 изданий), затем «Борис Годунов», «Русалка», маленькие трагедии (1862) и др.

<sup>11</sup> Первыми в Европе были изданы «Записки охотника» (1854), в переводе Э. Шаррьера.





академик М.П. Алексеев, совершенно самозабвенная, поскольку, по воспоминаниям его друзей, он всегда предпочитал, хваля русскую литературу, говорить не о себе, а о других.

Шарль Эдмон вспоминал, например, как рекомендовал Тургенев к публикации сочинения Л. Толстого. Шел 1876 год, Толстой уже написал и «Войну и мир», и «Анну Каренину», но на Западе его мало кто знал. «Вот ... первоклассный материал для вашей газеты (речь шла о газете «Temps». – И. Б.), – передавал слова Тургенева Ш. Эдмон. – Это значит, что я не являюсь его автором. Этот мастер, ибо это действительно мастер, почти не известен во Франции, но я уверяю вас своей душой и совестью, что я чувствую себя “недостойным развязать ремень на его обуви”» [цит. по АЛЕКСЕЕВ 1989: 300]. Через несколько дней, в апреле 1876 года, в газете «Temps» появились «Севастопольские рассказы» Л. Толстого.

Когда в июне 1878 года во Франции проходил Международный литературный конгресс и Тургенев выступал на нем, как он сам выразился «от лица <своих> соотечественников», он в своей речи подчеркнул следующую мысль: наконец русская литература «приобрела права гражданства в Европе. <...> Двести лет тому назад, еще не очень понимая вас, мы уже тянулись к вам; сто лет назад мы были вашими учениками; теперь вы нас принимаете как своих товарищей и происходит факт необыкновенный и новый в летописях России, – скромный простой писатель, не дипломат и не военный, не имеющий никакого чина по нашей табели о рангах, этой своего рода общественной иерархии, имеет честь говорить перед вами от лица своей страны и приветствовать Париж и Францию...» [ТУРГЕНЕВ 1982б: 334]. Тургенев искренне считал, что именно поэты и писатели, в сочинениях которых народ «получает свой духовный облик и свой голос», могут свидетельствовать о своих странах, или представлять за них. Он подчеркивал: «недаром же Греция называется родиной Гомера, Германия – Гете, Англия – Шекспира» [ТУРГЕНЕВ 1982б: 341]. Писатели, по его мнению, превосходят в этом смысле и государственных деятелей, и военачальников, и даже ученых, потому что в искусстве, в отличие от науки, сказывается живая человеческая душа.

Будучи русским писателем, которым двигали именно русские, по мысли самого Тургенева, качества – «честная простота и свободная сила», – он часто оказывался в оппозиции к власти, но не к России. Считал ее сестрой в европейской семье народов, настаивал на европейском пути, но при этом понимал, что Россия при всей ее «европейскости» все равно идет по земле – одна<sup>12</sup>. Как любой человек, вырастая из младенчества и вступая в самостоятельную новую

---

<sup>12</sup> В довольно отчаянном варианте эти мысли писатель высказывал в письмах на родину накануне русско-турецкой войны: «Жить русскому за границей... невесело: невесело видеть, до какой степени все нас ненавидят, все, не исключая даже французов! Россия должна замкнуться в самое себя и не рассчитывать ни на какое внешнее сочувствие» (А.Ф. Писемскому 26 октября (7 ноября) 1876) [ТУРГЕНЕВ 2012: 200]. «Европа нас ненавидит – *вся Европа без исключения*; мы *одни* – и должны остаться *одни*» (Я.П. Полонскому 26 октября (7 ноября) 1876) [ТУРГЕНЕВ 2012: 201].

жизнь, не может не помнить о своей семье, так и Россия в ее самостоянии не должна порывать со своим общим домом. К тому же теперь она в этом доме обрела свой зрелый и неповторимый голос – в том числе благодаря Тургеневу – великому русскому европейскому писателю, который своим именем, как и русская литература в целом, и по сей день свидетельствуют о России.

### **Библиография**

- АВЕРИНЦЕВ 1969: Аверинцев, С.С. Похвальное слово филологии // Юность. № 1 // [http://www.gumer.info/bibliotek\\_Buks/Literat/aver/pohv\\_sl.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/aver/pohv_sl.php) (дата доступа 2018. 09. 19)
- АЙХЕНВАЛЬД 1908: Айхенвальд, Ю.И. Силуэты русских писателей. Вып. 2. Москва: Издание «Научного слова».
- АЛЕКСЕЕВ 1989: Алексеев, М.П. Тургенев – пропагандист русской литературы на Западе // Русская литература и ее мировое значение. Ленинград: Наука.
- БЕЛЬСКАЯ 2015: Бельская, А.А. «Тургеневский человек»: К постановке проблемы // Ученые записки Орловского государственного университета. № 3 (66). 97–105.
- БЕЛЯЕВА 2008: Беляева, И.А. Тургеневский текст «лишнего человека» в контексте русской культуры // И.С. Тургенев: вчера, сегодня, завтра. Классическое наследие в изменяющейся России. Материалы международной науч. конф. посвящ. 190-летию со дня рождения и 120-летию со дня смерти писателя. Вып. 3. Орел: Издательство Орл. гос. университета. С. 22–29.
- БЕЛЯЕВА 2018: Беляева, И.А. Творчество И.С. Тургенева: фаустовские контексты. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- БОЙЕСЕН 1983: Бойсен, Х. Визит к Тургеневу // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. Москва: Художественная литература.
- БУЛГАКОВ 1905: Булгаков, С.Н. Душевная драма Герцена. Киев: Изд-е книжн. магазина С.И. Иванова и К\*.
- ГЕРЦЕН 1954: Герцен, А.И. О развитии революционных идей в России // Герцен, А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 7. Москва: Наука.
- ГЕРЦЕН 1963: Герцен, А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 27. Кн. I. Москва: Наука.
- ГОНЧАРОВ 1961: Гончаров, И.А. Переписка И.А. Гончарова с П.Г. Ганзеном. 1878–1885 / Предисл. и коммент. М.П. Ганзен-Кожевниковой // Литературный архив. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР. Т. VI.
- ДОСТОЕВСКИЙ 1976: Достоевский, Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 16. Ленинград: Наука.
- ДОСТОЕВСКИЙ 1980: Достоевский, Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 20. Ленинград: Наука.
- ЛИБАН 2015: Либан, Н.И. Русская литература: Лекции о русской литературе. Работы разных лет. Из архива. Москва: Водолей.
- ЛОТМАН 1997: Лотман, Ю.М. О русской литературе классического периода (Вводные замечания) // Лотман Ю.М. О русской литературе. Санкт-Петербург: Искусство. 594–604.
- МАНН 2008: Манн, Ю.В. «Истинно лишний человек» (Заметки о типологии характера) // Манн, Ю.В. Тургенев и другие. Москва: РГГУ. С. 13–27.
- ПАРТЕ 2007: Парте, К. «Призрачное имущество» России: когнитивная картография и национальная идентичность // Россия и Запад в начале нового тысячелетия. Москва: Наука.



- СУВОРИН 1923: Суворин, А.С. Дневник А.С. Суворина. Москва; Петроград: Издательство Л.Д. Френкель // [http://az.lib.ru/s/suworin\\_a\\_s/text\\_1907\\_dnevnik.shtml](http://az.lib.ru/s/suworin_a_s/text_1907_dnevnik.shtml) (дата доступа 25.07.2018)
- ТУРГЕНЕВ 1980: Тургенев, И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. Т. 5. Москва: Наука.
- ТУРГЕНЕВ 1981а: Тургенев, И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. Т. 6. Москва: Наука.
- ТУРГЕНЕВ 1981б: Тургенев, И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. Т. 7. Москва: Наука.
- ТУРГЕНЕВ 1982а: Тургенев, И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. Т. 9. Москва: Наука.
- ТУРГЕНЕВ 1982б: Тургенев, И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 1. Москва: Наука.
- ТУРГЕНЕВ 1986: Тургенев, И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. Т. 12. Москва: Наука.
- ТУРГЕНЕВ 1987: Тургенев, И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 4. Москва: Наука.
- ТУРГЕНЕВ 1988: Тургенев, И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 5. Москва: Наука.
- ТУРГЕНЕВ 1999: Тургенев, И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 11. Москва: Наука.
- ТУРГЕНЕВ 2012: Тургенев, И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 15. Кн. 1. Москва: Наука.

Ирина БЕЛЯЕВА  
Lomonosov Moscow State University  
Moscow, Russia  
[belyaeva-i@mail.ru](mailto:belyaeva-i@mail.ru)

